

УДК 13 : 001.5

*В. Г. Галушко, А. Н. Вашурин***Формы идентичности в свете принципов субсидиарности
и синтеза научных теорий**

В статье исследуется взаимоотношение культур в условиях современных интеграционных процессов, ориентирующих на новые коммуникационные взаимодействия современных социумов. В свете принципов дополнительности и синтеза научных теорий рассматривается возможность резервирования форм идентичности. Анализируются соотношение разных типов культуры, допустимый уровень аккультурации, культурный релятивизм, опасность полной ассимиляции. Показано, что такие элементы этнической идентичности, как историческая память, язык, религия являются важнейшими факторами в противостоянии инокультурной экспансии. В контексте принципа синтеза научных теорий рассматривается проблема российской идентичности. Опора на принцип дополнительности при взаимодействии этносов позволяет отстаивать целостность народной культуры, сохранять традиции, национальный характер, самосознание, но при этом не впадать в самоизоляцию.

The article is devoted to the relationship of cultures in the context of modern integration processes that focus on new communication interactions of modern societies. In the light of the principles of complementarity and scientific theories synthesis, the possibility of reserving identity forms is considered. The author analyzes the ratio of different types of culture, the acceptable level of acculturation, cultural relativism, and the danger of complete assimilation. It is shown that such elements of ethnic identity as historical memory, language, and religion are the most important factors in opposing foreign cultural expansion. The problem of Russian identity is considered in the context of the principle of scientific theories synthesis. Relying on the principle of complementarity in the interaction of ethnic groups allows us to defend the integrity of folk culture, preserve traditions, national character, self-consciousness, but not fall into self-isolation.

Ключевые слова: аккультурация, ассимиляция, дуалистичность, идентичность, историческая память, культура, принцип дополнительности, религия, синтез, язык.

Key words: acculturation, assimilation, duality, identity, historical memory, culture, the principle of subsidiarity, religion, synthesis, language.

Культура имеет двоякое действие, поскольку, с одной стороны, она функционирует как знаковая система, как текст, а с другой стороны, она сама же рефлексивна над заключенным в этом тексте смыс-

лом. Таким образом, при семиотическом подходе культура понимается как внешнее, знаковое бытие объективно-идеальных смыслов и ценностей. Символизация позволяет закодировать явление культуры, которое воспринимается через образное постижение, интуитивное понимание, ассоциативное мышление, эстетическое переживание. Между символами различных народов существует некоторое изначальное единство, одинаково значимое для всех.

Двоичность восприятия культурной жизни обусловлена тем, что ни одна картина мира, взятая по отдельности, не является исчерпывающей. Но это компенсируется бинарной дополнительностью точек зрения на понимание каждой этнокультуры и их взаимосвязи. В наиболее общем виде эта идея выражена в принципе дополнительности Н. Бора, а затем применялась Ю. М. Лотманом к семиотическим системам. Считается, что неполнота нашего знания о мире должна компенсироваться стереоскопичностью тех точек зрения, при помощи которых мы смотрим на мир.

Любой этнос имеет свою уникальную неповторимую историю бытия, которая порождает национальные особенности того или иного народа, что определенно не способствует превентивному пониманию субъектов культурного взаимодействия [2]. Кроме этнографических, цивилизационных и культурологических различий проблема усугубляется неравномерностью развития разных этносов во времени и пространстве. Более развитая культура всегда выступает доминирующей по отношению к менее развитой. В связи с этим возникает вопрос: как относиться к доминирующей культуре?

С одной стороны, понимание собственной этнической общности в сопоставлении с иными народами сопрягается вольно или невольно в предпочтении собственной народности. «То, что каждому человеку обычаи, нравы и формы поведения, в которых он воспитан и к которым привык, ближе, чем другие, – вполне нормально и естественно», – пишет И. С. Кон [7, с. 187]. С другой стороны, есть и положительный момент в сопоставлении этносов во время межэтнического общения, когда (при объективном анализе) определяются особенности каждой культуры.

Однако возникают вопросы: какими могут быть последствия межкультурного взаимодействия, если культура одного этноса на порядок превосходит культуру другого? Нет ли здесь опасности ассимиляции и потери национальной идентичности?

История развития общества знает примеры, когда некоторые народы просто исчезали, оставляя в культурологической памяти топонимические следы. В частности, в Германии, достаточно большое

количество топонимических названий имеет славянские корни, есть даже название земли – Пруссия, хотя самих пруссов как этнической единицы не наблюдается, ибо часть этого славянского народа была истреблена, а часть ассимилирована германским народом.

Процессы взаимодействия культур сложны, ибо факторы, влияющие на формирования культур, в принципе не поддаются полной идентификации. Из-за векторального различия возникает непонимание культурных традиций одного этноса другим, что ведет к подозрительности, боязни и заканчивается отчуждением, а в крайнем случае – враждебностью. Неравномерное экономическое и политическое развитие этносов неизбежно приводит к превентивному превосходству более динамично развивающейся культуры и захвату этой культурой экономического, политического и цивилизационного пространства в целом. Особенно интенсивно себя проявляет культурная экспансия.

В связи с этим возникает вопрос. Как по отношению к этой экспансии себя должна вести более слабая и менее развитая цивилизация? Каким образом защитить свои социальные приоритеты и культурные ценности? Ибо возникает опасность потери национальных традиций, родного языка, собственной истории. Но без *исторической памяти* ни один этнос не может существовать.

Впрочем, в истории философии по поводу исторической памяти высказывались разные суждения. Гегель, например, о значимости исторической памяти писал:

«Каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния», поскольку “бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего”» [4, с. 61–62].

Историческая память является своеобразным храмом этнической идентичности. Она определяет перманентность и преемственность в существовании социума. Особенно актуально проблема сохранения исторической памяти звучит для современного российского общества, когда подлинную историю России пытаются заменить псевдоисторическими сенсациями, забывая о моральной ответственности перед будущими поколениями. Некоторые современные авторы растаскивают историю по частям, руководствуясь при этом косвенными доказательствами и не предоставляя прямые, не сопоставляя факты. Однако еще С. М. Соловьев указывал на то, что нужно: «Ни делить, ни дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений...» [12, с. 2].

Именно поэтому просто недопустимо жонглировать толкованием исторического события по отношению к его объективному содержанию. Иначе вместо изучения прошлого получается его переписывание в угоду тем или иным конъюнктурным запросам или коммерческой выгоде. С такой позиции можно отрицать любое историческое событие, любой исторический процесс, любое историческое явление. Но тогда история из науки превращается в искусство манипуляции сознанием, а историческая память – в беспамятство, таким образом, нивелируя одну из основ этнической самоидентификации.

Другим важнейшим элементом этнической индивидуальности, которому может угрожать взаимодействие разных по степени развития культур, является *язык*. На связку между языком, культурой и духом этноса указывал еще Вильгельм фон Гумбольдт [5]. Являясь важнейшим составляющим звеном культуры, язык определяет духовные ценности и очерчивает духовные грани народа в качества слова, фразы, текста. Именно через него формируется особенность передачи информационного потока от поколения к поколению.

Знание родного языка является не просто коммуникативным фактором, позволяющим индивиду общаться, но благодаря ему он знакомится с художественным творчеством своего народа, вникает в суть народных обычаев и традиций, формирует самосознание, выбирает ценности и приоритеты, определяющие его мировоззрение и отношение к окружающей его действительности. Кроме того, нельзя не отметить роль родного языка в образовательном процессе. Система культурологических стереотипов определяется и упорядочивается именно с помощью языка. Без изучения языка невозможно понять характерные особенности этнической культуры. Через национальный язык осуществляется первичная социализация. Человек, формируясь как личность, знакомится с национальной культурой, моральными нормами, ценностями своего народа. Если учесть, что язык в своем развитии и становлении зависит от внешних факторов, таких как климат, ландшафт, флора, фауна, то нельзя забывать о его защитных свойствах.

Речь не идет о том, что ради спасения языка какому-либо этносу надо самоизолироваться, но относиться к своему языку бережно – это вполне разумная позиция. Язык участвует в организации трудовой деятельности, функционировании различных социальных институтов, координации социального производства, процессе образования, воспитании индивида, в научной и культурной творческой деятельности. Выдающийся русский исследователь языка А. А. Потебня усматривал в национальном языке путь духовного единения народа, уникальный

признак, по которому собственно и узнается этнос, обязательное условие его существования [10, с. 187]. Национальный язык для того или иного этноса является родным. Именно он служит тем коммуникационным инструментом, с помощью которого индивид выражает наиболее сокровенные эмоциональные чувства, зачастую затрагивая подсознание. В. Г. Костомаров, подчеркивая выдающуюся роль родного языка в процессе формирования личности, указывает на то, что у человека не может быть двух материнских языков, как и двух матерей. «Выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [8, с. 11]. Выступая как форма выражения этнической культуры в ходе развития этноса во времени, язык сам превращается в уникальное явление народной культуры. И если этот элемент удалить, то национальная культура просто растворится в небытие.

Очевидно, что заимствование иностранных слов это объективный путь развития любого национального языка. Оно происходит в результате взаимодействия этносов. Когда в базе родного языка какое-либо понятие отсутствует, тогда заимствование оправданно. Однако, когда оно присутствует, а иностранный аналог навязчиво заимствуется, именно тогда начинается разрушение и обеднение национального языка. Например, зачем использовать слово «имидж», когда есть русские «образ», «облик»? Безудержное, неразборчивое перетаскивание иностранных слов в родную речь приводит к зашлаковыванию этнического языка. Особенно ярко эти процессы выражены в современном взаимодействии культур, когда один из языков, в частности английский, становится международным, в какой-то степени модным и неизбежно влияет на национальные языки, в том числе и на русский. За последнее время достаточно большое количество английских слов стало все чаще звучать в русской речи. Например, такие слова, как: менеджер, кластер, супервайзер, мерчендайзер, лифтинг, спикер, паркинг, ресепшен, спонсор, толерантность, шоппинг, коучинг, бойфренд, брифинг, дайджест и многие другие – просто не нужны в русском языке, ибо каждому из них есть русский аналог. Зачем употреблять понятие «дайджест», когда есть прекрасное и более благозвучное «обзор»? В этом случае процесс заимствования из естественного превращается в искусственный, а иностранные слова начинают выполнять роль слов-паразитов.

Несомненно, что в современных условиях глобализации родной язык нуждается в государственной защите, в том числе на правовом уровне. Демократически развивающееся общество не должно всту-

пать в противоречие с традиционными ценностями, а если такие противоречия возникают, то следует решать их в пользу этнического самосознания, отображающегося в этнониме.

Большое значение в формировании культуры того или иного народа имеет религия. Православная вера в значительной степени определила национальный характер русского этноса, его менталитет, традиции и обычаи, нравственные основы социальных коммуникаций. Авторы разделяют мнение, что Русская православная церковь подвергается нападкам со стороны представителей западных культур, не понимающих и не воспринимающих особенности русской национальной культуры, пытающихся все культуры свести к определенному стандарту по западному образцу.

Не следует забывать, что взаимодействие культур между разными этносами может происходить по-разному, в различных формах, которые, в свою очередь, зависят от разнообразных внутренних и внешних причин. Поэтому варианты контактов этнических культур могут быть как отрицательными, так и положительными.

Контакт может происходить в качестве обычного количественного изменения в народной культуре, когда этнос под воздействием более развитой культуры перенимает какие-то ее достижения, например влияние культуры Китая на европейскую культуру. Либо более зрелая культура может привести к качественному изменению культуры отсталого этноса, и это способствует его дальнейшему развитию. Однако бывает и так, что при взаимодействии слабая этническая культура может потерять собственный опыт. Такое изменение часто происходит у народов, которые не имели своей письменности на момент взаимодействия и их культура со временем начинала приходить в упадок [6]. Бывает и так, что при отсутствии достаточной устойчивости, под воздействием внешнего фактора в виде более сильной культуры, происходит ее полное разрушение. В частности в Японии деструкции подверглась культура айнов.

К процессам взаимодействия культур нужно относиться как к дуалистическому явлению, ибо они могут привести как к объединительному результату, в частности к ассимиляции, либо интеграции, так и к разделительному, а именно к транскulturации, либо к сегрегации и в худшем варианте – к геноциду. В любом случае для определенной этнической культуры возникает опасность аннигилированная, полного или частичного исчезновения. В процессе ассимиляции или интеграции слабая этническая культура, объединяясь с более сильной, как бы растворяется в ней, теряя свою идентичность.

Исторический опыт показывает, что транскulturация несет с собой войны, этнические конфликты, расовую дискриминацию. В историческом развитии социума транскulturация частенько выступала как результат колониальных завоеваний и порабощения. Особенно остро эта проблема наблюдалась в постколониальную эпоху, когда региональные этносы пытались восстановить свою идентичность.

Сегрегационные процессы двадцатого века в ЮАР и в США показывают, что нетерпимость различных культур может доходить до крайности и приводить к сознательному принятию решения насильственного воздействия одного этноса на другой. Человечеству памятна трагедия армянского народа, когда в Османской империи погибло более одного миллиона пятисот тысяч человек, удары судьбы еврейского и славянского этносов во время Второй мировой войны, трагедия народа тутси в Руанде в 1994 г., когда погибло около одного миллиона человек.

В современной западной цивилизации провозглашен и пропагандируется принцип толерантности, терпимости к чужой культуре, обычаям, традициям, языку, религии, морали, к расовым различиям. Кажется, что такие уродливые явления, как расизм, сегрегация и геноцид уходят в прошлое, и этническим культурам ничего не угрожает. Однако современная действительность частично опровергает этот тезис. Опасность исчезновения этносов остается. Просто она приняла более завуалированные формы, облаченные в одежду оказания международной помощи (в частности через некоммерческие международные организации). На деле эта помощь превращается в ползучую ассимиляцию, в современных условиях принимающую глобальный характер. Мы полагаем, что такая тенденция исходит от англосаксонской культуры, которая в «лице» США и Великобритании стремится к мировому культурному господству под шумок мультикультурализма. Как реагировать на это явление этносам, которые не являются доминирующими? Принять этот процесс как неизбежную данность глобального мира или же стремиться к сохранению собственной культуры и противостоять англо-саксонскому доминированию?

При попытке ответить на эти непростые вопросы уместно вспомнить о *принципе дополненности*, который в 1927 г. был сформулирован норвежским физиком лауреатом Нобелевской премии Нильсом Бором для естественных наук (в частности, в области квантовой механики), но впоследствии был перенесен и в гуманитарные науки, в том числе в историю и этнологию. Суть его заключается в

том, что определенное разумное зерно имеет место в различных, даже противоречащих друг другу взглядах, которые могут быть представлены (в данном случае разными культурами). Понятно, что сам по себе процесс взаимодействия культур достаточно сложен. На это указывает и Н. Бор:

«В атомной физике слово “дополнительность” употребляют, чтобы характеризовать связь между данными, которые получены при разных условиях опыта и могут быть наглядно истолкованы лишь на основе взаимно исключаящих друг друга представлений. Употребляя теперь это слово в том же примерно смысле, мы поистине можем сказать, что разные человеческие культуры дополнительны друг другу» [3, с. 287].

Опора на принцип дополнительности при взаимодействии культур позволяет отстаивать целостность этнической культуры, сохранять народные традиции, обычаи, особенности национального характера, родной язык, историческую память, самосознание этноса, но при этом не впадать в самоизоляцию, учиться у передового этноса инновациям, перенимать передовой опыт и благодаря этому подниматься на новую ступень развития.

Самоизоляция этноса не может способствовать его динамическому развитию в истории. Процесса ассимиляции полностью не избежать. Об этом говорит М. М. Бахтин:

«Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже, (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 334].

Взаимное обогащение культур непременно присутствует. Однако нельзя забывать о той черте, которая разделяет взаимное обогащение от полного заимствования, аккультурацию от полной ассимиляции, которая приводит к абсолютной потере этносом собственного языка и культуры в целом.

В этом смысле современное российское общество не должно быть культурологически всеядным. В свете современных глобальных процессов это становится вдвойне опасным, ибо может вести к потере национальной идентичности.

Различные модели идентичности подобны научным теориям и вступают в определенные отношения друг с другом. Характеризуя способы развития научного знания, Е. А. Мамчур обращает внимание на принцип *синтеза научных теорий* [9]. С этой точки зрения можно рассматривать и взаимодействие моделей идентичности – они также способны к синтезу и взаимному обмену фрагментами паттернов.

Классифицируя модели идентичности, уместно их различение по формам: (1) гражданская (политическая) и (2) национальная (этническая) идентичность. Соответственно, различаются политическая и этническая нация. Политическая (гражданская) нация – сообщество равных, наделенных правами граждан, созданное в результате выбора индивидов в пользу определенного политического мировоззрения. Гражданские нации конструируются политиками, это свободные сообщества, в которых основой политической солидарности является не культурное наследие, а свободно выбранные политические принципы.

Исследователи отмечают, что «в мире сегодня преобладают две разнонаправленные тенденции: первая – упразднение ценностных различий между Западом и Востоком – идентичность западного типа рациональности; вторая – ренессанс национальных, этнических, архаических, “незападных” ценностей – рациональность ... незападных регионов» [13, с. 13]. В России последние десятилетия усматриваются оба эти вектора.

Смена ценностных парадигм в России на рубеже XX и XXI столетий представлена в следующих формах: советский коллективизм – индивидуализм (перестроечный) – национализм (постперестроечный). Постсоветская идентичность в России характеризуется сегодня противостоянием гражданской и этнической форм национализма. Национализм (постперестроечный) базируется на идее солидарности. Гражданская солидарность – единение в патриотической преданности совместному набору политических ценностей. Главная задача идеологов гражданской (политической) нации – определение ценностей, характеризующих принадлежность каждого россиянина к единому наднациональному сообществу народов Российской Федерацией.

Этническая форма национализма (этническая идентичность) выражает «племенную солидарность». Нации передаются нам предками, это формы культурного наследования, для которого очень важны межпоколенческие связи, взаимное попечение и лояльность. Опасность этнической солидарности – ее предрасположенность к ресентименту (от фр. *ressentiment* – негодование, озлобление – чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач).

Главным препятствием рессентименту могут служить неотъемлемые и неотчуждаемые права и свободы личности, общечеловеческие права и ценности.

Что касается политической идентичности, то она имеет иные характеристики, нежели идентичность национальная. Ю. В. Синеокая так определяет их различия в современном европейском обществе:

«Новая европейская идентичность, задуманная как альтернатива национализму, приведшему к катастрофе Второй мировой войны, не мыслится идеологами Единой Европы как идентичность национальная. Европейцы категорически против национализма как основы общеевропейской идентичности, против феномена общеевропейского национализма» [13, с. 15].

По мнению этого исследователя, концепция национальной политики в России – это «интегральная мудрость», а задача национальной политики – прийти к балансу ценностей, выстроить концепцию национального согласия, гармонизировать права личности с правами этнических и политических сообществ.

«Преодолеть кризис идентичности Россия сможет, опираясь в равной мере как на рациональность макроцивилизационных незападных регионов, так и на опыт формирования идентичности западного типа рациональности» [13, с. 16].

Российская идентичность может быть не только этнической, но и общегражданской [11, с. 117]. В последнем случае существенным условием идентичности оказывается принадлежность к государству-нации. Представляется, что такую позицию и можно отнести к *идеологии синтеза научных теорий*, к ее интегральной разновидности.

В заключение можно отметить, что экстраполяция инструментария из области эпистемологии науки, в частности исследований принципов развития научного знания (принципа дополнительности и принципа синтеза научных теорий), на исследование этнокультурных процессов и соотношение их теоретических моделей может дать дополнительные научные результаты.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983.
3. Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2. Статьи 1925–1961 / под ред. И. Е. Тамма [и др.]. – М.: Наука, 1971.
4. Гегель Г.Ф.В. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука. 1993.
5. Гумбольдт В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 346–349.
6. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис-пресс, 2010.

7. Кон И. С. Психология предрассудка // Новый Мир. – 1961. – № 10. – С. 187–205.
8. Костомаров В. Г. Еще раз о понятии «родной язык» // Русский язык в СССР. – М., 1991. – № 1. – С. 9–15.
9. Мамчур Е. А. Наука, метафизика и идеология // Ориентиры... Вып. 6 / отв. ред. Т. Б. Любимова. – М.: ИФ РАН, 2010. – С. 58–75. [Электронный ресурс]. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/orientiry/orientiry_6.pdf.
10. Потебня А. А. О национализме // Потебня А. А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – С. 186–190.
11. Пронина Т. С. Религия и поиски идентичности в постсоветской России. – Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015.
12. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М.: Эксмо, 2009.
13. Синеокая Ю. В. К вопросу о специфике гражданской и этнической форм идентичности: материалы заседания науч.-метод. семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации 8 сентября 2017 г. // Аналитический вестник. – М., 2017. – № 25 (682). – С. 13–16.

Статья поступила: 25.11.2019. Принята к печати: 31.01.2020